

различными образцами. Наконец, сюда поступала и херсонесская керамика.

Обращаясь к клеймам, найденным на других античных городищах побережий Днестровского лимана, мы находим несколько иную картину. На Надлиманском городище, одновременно изучаемому нами городищу у с. Пивденное, преобладание принадлежит клейменной тараклейского происхождения (86%), а остальные примерно поровну распределяются между Фасосом и Синопой. На Роксоланском городище Гераклея сохраняет свое преобладание, хотя и не в такой мере (37%). Однако для всех этих древних населенных пунктов характерно отсутствие клейменной тары Родоса и везде найдены, хотя и в небольшом числе, клейменные ручки Херсонеса Таврического.

При всей осторожности, обуславливаемой относительно небольшим количеством клейм на всех этих городищах, мы вправе предполагать, что именно в IV в. до н. э. все они достигли наивысшего процветания и служили торговыми центрами для окружающего населения. Если касаться только поселения у с. Пивденное, то оно, как можно полагать, возникло лишь в эту эпоху, а затем прекратило существование — во всяком случае, здесь пока не найдено ни одного керамического фрагмента V или II вв. до н. э., а большинство клейм датируется IV или первой половиной III в. до н. э. Дальнейшие раскопки позволят, надо надеяться, уточнить многие вопросы, связанные с жизнью этого населенного пункта, и дадут возможность подробнее проследить и торговые связи соединявшие его с центрами греческого мира.

МОНЕТЫ В АНТИЧНОЙ КЕРАМИКЕ

В. И. ПРУГЛО

В 1956 г. на раскопках Мирмекия, разбирая находки из культурного слоя, мы обратили внимание на один из обломков керамики — фрагмент нижней части горла довольно большого кувшина или, скорее, амфоры буро-красной глины (М/56-2427). На его внутренней поверхности выступало зеленоватое пятно окиси металла. Внимательное рассмотрение обломка показало, что в том месте, где имеется пятно, тонким слоем глины как бы «примазан» какой-то предмет дисковидной формы. Легкий нажим ножа — и этот предмет отделился от черепка. В руках оказался плоский окислившийся кружочек, диаметром около 2 см, напоминающий монету (рис. 1). Химическая расчистка подтвердила предположение. Кружок оказался медной боспорской монетой Котиса I, 45—62 гг.¹ Эта неожиданная находка, естественно, возбудила вопрос: почему монета оказалась в глине сосуда?

Тремя годами позже, в 1959 г., в эллинистическом слое на том же участке раскопок Мирмекия был найден обломок другой амфоры, из которого выступала сильно окислившаяся монета (М/59-1246). Сохранность ее оказалась значительно худшей, чем в первом случае. После очистки на лицевой стороне монеты выявились лишь очень слабо заметные признаки верхней части мужской головы в плющевом венке, обращенной вправо; обратная сторона разрушилась полностью². Определить монету — при столь плохой ее сохранности — невозможно. Остается все же вне сомнения факт присутствия монеты в стенке амфоры эллинистического времени.

Наличие уже двух аналогичных находок побуждает задуматься над тем, каковы могли быть причины проникновения монет в керамическое гесто сосудов. Очевидно, монеты как-то попадали сначала в глину, служившую сырьем для выделки сосудов, а после обжига эти монеты оказывались как бы «запеченными» в стенках сосудов.

Прежде чем искать ответ непосредственно на данный вопрос, мы позволим себе несколько его расширить. Поставим вопрос так: известны ли вообще случаи использования монет — с той или иной целью — при изготовлении античных керамических изделий? И тут должен последовать

¹ Ср.: А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XLVI, 9.

² Попытка более тщательно расчистить монету, предпринятая в Нумизматическом отделе Эрмитажа, оказалась безуспешной.

ответ вполне положительный, причем он подсказывается, в первую очередь, одним из интересных экспонатов Одесского археологического музея.



Рис. 1. Обломок керамики, включающий в себя монету.

В богатой коллекции античных vaz этого музея имеется чернолаковый килик, представление о котором дает рис. 2 (профиль килика см. на рис. 5, а)³. Килик состоит из неглубокой чаши, с довольно тонкими стенками, и низкой кольцеобразной профилированной ножки. Диаметр чаши на уровне верхнего ее края — 11,8 см, высота (с ножкой) — 5,1 см. Обе ручки килика утрачены, отбита значительная часть края чаши с одной стороны. Весь сосуд, кроме внутренней поверхности ножки, покрыт черным лаком, имеющим металлический блеск. Глина килика — розоватого цвета, с очень мелкими редкими блестками слюды. Внутри чаши ее цент-

³ ОГАМ-71622. — За любезно предоставленное мне разрешение опубликовать этот килик приношу благодарность дирекции Одесского археологического музея.

ральная часть украшена круглым рельефным медальоном (диаметр 3 см) с профильным изображением обращенной влево женской головы. Медальон окружен двенадцатью пальметками и пятью расположенными по окружности поясками, состоящими из врезанных штрихов. Углубленной линией отмечено место перехода от дна к стенкам сосуда. Такие элементы декора, как пальметки, а также круговые пояски из штрихов — выполнены штампом. Центральный рельеф, имеющий четкие края, изготовлен отдельно и вставлен в дно килика.



Рис. 2. Килик с монетовидным рельефным медальоном из собрания Одесского археологического музея.

Цвет медальона, его внешний вид таковы, что он кажется сделанным из серебра и воспринимается как монета. Однако, при ближайшем рассмотрении выясняется, что медальон глиняный, а поверхность его посеребрена. Тем не менее, медальон имеет самое непосредственное отношение к монете, ибо является слепком с одной из сиракузских серебряных тетрадрахм⁴. Реверс монет этого типа украшен изображением квадриги, движущейся влево. Возничий в одной руке держит крепко натянутые поводья, а в другой — хлыст или бич, которым он погоняет коней. Вверху помещена парящая крылатая Ника с венком в вытянутых руках. В нижней части монетного кружка, отделенной горизонтальной рельефной чертой, показаны военные доспехи: панцырь, кнемиды, шлем, щит, слева — надпись: ΑΘΛΑ. Аверс монеты занят профильным изображением головы Аретусы⁵, окруженной четырьмя дельфинами; по верхнему краю

⁴ British Museum, Department of Coins and Medals. A Guide to the Principal Coins of the Greeks. Лондон, 1959, табл. 17, 65—67; А. Н. Зограф, ук. соч., т. VII, 6.

⁵ Аретуса — широко распространенное у древних греков название источника. В частности, так назывался источник на острове Ортигии у Сиракуз, отличавшийся...

расположена надпись: ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ. Некоторые декадрахмы, на этой же стороне, имели еще и имена граверов — знаменитого Эвэнета или его ученика Кимона, изготовивших монетные штемпели⁶. Сиракузские декадрахмы описанного выше типа, иногда называемые «медальонами»⁷, примечательны тем, что выпуск их связан с победой над афинской армией, пытавшейся овладеть Сицилией, в 413 г. до н. э. В ознаменование столь важной победы были учреждены Асинарийские празднества⁸, отмечавшиеся в Сиракузах ежегодно в течение ряда лет. Составной частью указанных празднеств являлись разного рода состязания. Победителей награждали серебряными декадрахмами, которые отличались исключительно высоким художественным исполнением. Декадрахмы чеканились, по-видимому, в течение трех десятилетий после разгрома афинского войска⁹.

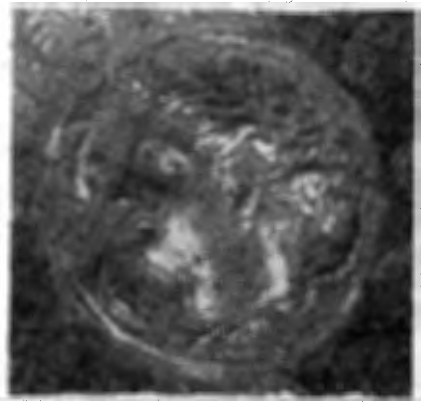


Рис. 3. Монетовидный медальон килика из собрания Одесского археологического музея.

Вследствие недостаточно совершенного характера глиняного оттиска, вставленного в килик, утрачены некоторые детали: не получилось украшения Аретусы — серьга, которая имеется на всех декадрахмах, не оттиснулась и надпись. Тем не менее, можно совершенно точно определить, какая монета скопирована. Ниже подборка Аретусы на медальо-

несмотря на непосредственную близость моря, хорошей пресной питьевой водой. Это качество источника послужило причиной создания ряда легенд и мифов. Согласно одной из версий, Аретуса-охотница (в ином варианте — nereида), спасаясь от любви преследующего ее речного бога Алфея, умоляла Артемиду о спасении. Та превратила Аретусу в источник и, разверзнув почву, дала ей возможность уйти, скрыться. На поверхности Аретуса вышла в виде источника на острове Ортигии. С Аретусой отождествлялась также богиня-покровительница Сиракуз — Артемиде Ортигийская. Профильное изображение Аретусы, окруженное дельфинами, появляется на монетах Сиракуз с конца VI в. до н. э. См.: RE, Bd. II, 3, s. v. Arethusa; Bd. I, 2, s. v. Alpheios; также — Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale, Рим, 1958, стр. 617, s. v. Aretusa.

⁶ Относительно имен Эвэнета и Кимона в нумизматической литературе первоначально были некоторые разногласия. Одни исследователи видели в них имена граверов, другие — имена магистратов. В настоящее время общепринятой является точка зрения, согласно которой оба этих имени (как и другие, встречающиеся на сиракузских монетах) принадлежат резчикам, делавшим штемпели. Однако, по мнению А. Эванса в Сицилии и материковой Греции резчики штемпелей, ставившие свои имена, были одновременно ответственными официальными лицами монетного двора.

А. J. Evans. Syracusan „Medallion“ and their Engravers in the Light of Recent Find. NC, XI, 1891, стр. 207, примечание 4. Там же приведена обширная литература, освещающая этот вопрос.

⁷ A. J. Evans, ук. соч., стр. 205 сл. — A Guide to the Principal Coins of the Greeks, стр. 30, 65, 66. — Против термина „медальоны“ выступает Ч. Зельтман (ср. Ch. Seltman. Greek Coins, Лондон, 1955, стр. 104).

⁸ Асинарос — река в юго-восточной части Сицилии, вошедшая в историю как место разгрома сиракузянами афинян. В связи с этой победой в Сиракузах и были учреждены проводившиеся потом регулярно Асинарийские празднества. RE, Bd. II, 4, s. v. Asinaros; см. также В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. 2, Богослужения и сценические древности, СПб., 1899, стр. 174.

⁹ Ch. Seltman, ук. соч., стр. 128.

не видна буква Δ (рис. 3)¹⁰, которую имеют некоторые декадрахмы, чеканенные штемпелем Эвэнета в 402 г. до н. э.¹¹

Итак, совершенно бесспорно устанавливается, что при изготовлении килика, хранящегося в Одесском музее, в качестве украшения применен глиняный рельефный медальон, являющийся слепком — копией сиракузской монеты, битой штемпелем работы знаменитого мастера Эвэнета в конце V в.

Килик, аналогичный рассматриваемому, имеется в собрании Эрмитажа¹² (рис. 4, профиль сосуда см. на рис. 5, б). Диаметр чаши на уровне верхнего края — 13,2 см, высота (с ножкой) — 5,4 см. Он также покрыт черным лаком с металлическим блеском. Для него, как и для одесского килика, характерны тонкие стенки, неглубокая чаша, профилированная кольцевидная ножка. По своей форме оба килика совершенно сходны. Одним из характерных признаков таких киликов являются ручки (на эрмитажном экземпляре они полностью сохранились) — довольно тонкие, слегка загнутые кверху. Чаша эрмитажного килика также украшена рельефным медальоном, воспроизводящим сиракузскую декадрахму Эвэнета 402 г. (на медальоне слева хорошо заметна буква Δ)¹³, штампованными пальметками и окружностями из штрихов. Различие состоит в числе форм пальметок — здесь их пятнадцать — (на одесском килике — двенадцать), а также в применении еще одного элемента орнамента — маленьких тесненных кружков с точкой в центре, расположенных между пальметками.

Оба килика — одесский и эрмитажный — принадлежат к довольно многочисленной группе сосудов, объединяемых общими признаками: формой чаши, ручек, ножки; цветом и качеством лака, орнаментацией на пальметки, окружности из штрихов (а иногда еще из маленьких кружков), исполненной штампом. Основным же их признаком является

¹⁰ Процесс изготовления этих медальонов рисуется в следующем виде. Сначала с монет снималась глиняная форма — матрица, которой затем на дисках из сырой глины оттискивались изображения. Сокращением глины, происходившим при высыхании сначала формы, а потом изготовленного с ее помощью слепка, объясняется уменьшение диаметра медальона на 1/3 по сравнению с оригиналом — монетой. Несоответствие размеров украшающего килик медальона и декадрахмы дало некоторым исследователям повод рассматривать эти медальоны как результат свободного копирования декадрахм. Однако А. Эванс, тщательно изучивший данный вопрос, убедительно доказал, что медальоны, сделанные в килики, являются точными слепками с подлинных декадрахм Эвэнета. Вместе с тем, А. Эванс обратил внимание на группу киликов с рельефными медальонами, воспроизводящими монеты, которые представляют собой «варварские подражания» монетам Эвэнета (A. J. Evans, ук. соч. стр. 318, 320; ср. R. Pagenstecher, Die Calenische Reliefkeramik. JDAJ, 8 (Ergänzungsheft), 1909, стр. 17).

¹¹ В истолковании фигурирующей на некоторых декадрахмах буквы существует несколько точек зрения. Одни видят в ней показатель номинала (J. Evans, ук. соч., стр. 309), другие полагают, что декадрахма с Δ, возможно, принадлежит выпуску десятилетия существования Асинарийских празднеств, что соответствует 402 г. до н. э. (Ch. Seltman, ук. соч., стр. 128). Последнее мнение нам кажется наиболее правдоподобным.

¹² Инв. № 2691; поступил в 1843 г. из коллекции Пищати. В описании О. Ф. Вальдгейера килик приведен под № 1590 среди эллинистических сосудов с рельефными украшениями II—I вв. до н. э., см.: О. Вальдгейер. Краткое описание античных расписных ваз, СПб., 1914, стр. 77, витрина 26. — Пользуясь случаем, чтобы выразить большую признательность А. А. Передольской, разрешившей мне опубликовать эрмитажный килик.

¹³ Килик с медальоном, воспроизводящим ту же декадрахму, имеется, например, в Метрополитэн-музее. G. M. A. Richter. A Greek Silver Phiale in the Metropolitan Museum. AJA, 45, 1941, № 3, стр. 386, рис. 30.

находящийся в центре дна посеребренный глиняный медальон, имитирующий монету — реверс серебряной сиракузской декадрахмы с профилем

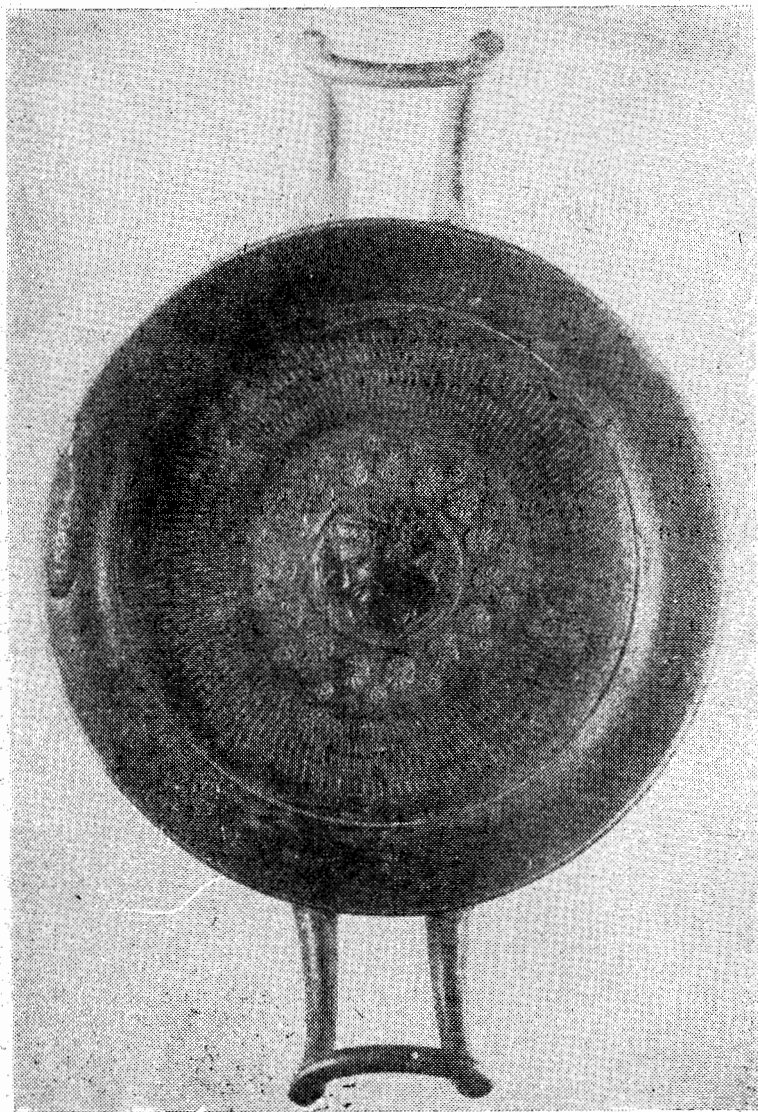


Рис. 4. Килик с монетовидным рельефным медальоном из собрания Эрмитажа.

с изображением Аретусы¹⁴. В настоящее время таких киликов, хранящихся в различных музейных собраниях, известно около сорока.

¹⁴ На этом основании килики данного типа объединены в литературе общим названием — *Arethusaschalen*. Другая группа сосудов — *Heraclusschalen*, в украшении этих последних киликов использованы, по определению Р. Пагенштехера, два варианта медальонов, близких ранним монетам Гераклеи Луканской. Найдены и глиняные штампы, служившие для изготовления подобных медальонов. См. R. Pagenstecher

В литературе высказывалось предположение, что килики настоящего типа являются подражанием серебряным сосудам, которые были украшены подобными же медальонами¹⁵. Такое предположение представляется весьма вероятным. Механическое перенесение монетных типов в композицию рельефных украшений серебряных сосудов, очевидно, было достаточно широко распространенным приемом. Это подтверждает, между прочим, серебряная чаша конца V в. до н. э. из Метрополитэн-музея, украшенная рельефно выполненными сценами. В передаче различных деталей — лица изображенных персонажей, колесницы со скачущими конями и пр. — мастером были использованы изображения, имеющиеся на монетах Сиракуз, Катаны, Гелы, Акраганта и др.¹⁶

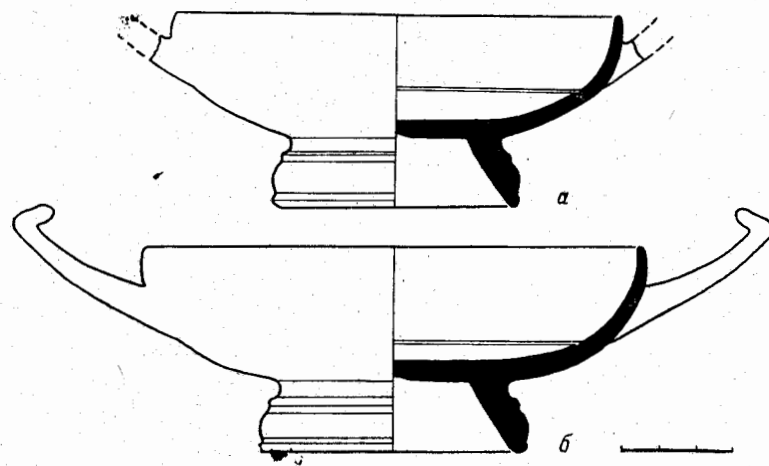


Рис. 5. Профили киликов с монетовидным рельефным медальоном (а — из собрания Одесского археологического музея; б — из собрания Эрмитажа).

Чернолаковые килики с медальоном, воспроизводящим сиракузскую декадрахму, принято рассматривать в качестве изделий кампанских ке-

р. соч., стр. 16, 17. Там же приведен полный список киликов с медальоном, воспроизводящим декадрахму Эвзнета, имеющихся в различных музеях. — А. Эванс ссылается на глиняный штамп из коллекции Британского музея, который, по его мнению, использовался для подобных же целей, т. е. для изготовления рельефных медальонов, служивших украшением киликов. В этой же связи он упоминает хранящийся в Британском музее пастовый диск с трехчетвертным изображением Афины Паллады (в последнее время исследователи склонны видеть в ней Аретусу — см. Ch. Seltman, ук. соч., стр. 126, табл. XXIII, 1), представляющий собой слепок с монеты — тетрадрахмы Эвзнета (А. J. Evans, ук. соч., стр. 318, 319).

¹⁵ Мысль о том, что эти килики представляют собой «заменители», изготовленные в подражание дорогим серебряным сосудам с монетами Эвзнета, впервые была высказана А. Эвансом, позже к ней присоединился Т. Рейнак (см.: А. J. Evans, ук. соч., стр. 320; Th. Reinach, *L'histoire par les monnaies*, Париж, 1902, стр. 93). Однако можно согласиться с Р. Пагенштехером, который считая местом производства так называемых «Heraclusschalen» — сосудов, украшенных медальонами, близкими монетам Гераклеи Луканской, — Рим, предлагает рассматривать эти медальоны как своего рода «фабричное» клеймо (см. R. Pagenstecher, ук. соч., стр. 17).

¹⁶ G. Richter, ук. соч., стр. 373.

оборотной ее стороне, над прямоугольным отверстием для обжига имеется круглое клеймо в виде рельефной головы Аполлона в лавровом венке. Это изображение получилось в результате того, что в форме, служившей для изготовления статуэтки, был сделан отпечаток медной монеты, чеканенной в Смирне в 190—180 гг. до н. э.³⁴ Естественно, что все статуэтки, выходящие из этой формы, получали на оборотной стороне своего рода клеймо в виде оттиска монеты. Д. Бэр, издательница статуэтки, отметив отсутствие аналогий, отказалась объяснить, зачем мастер, изготовлявший форму, сделал на ней отпечаток монеты. Мы со своей стороны можем лишь отметить еще один аналогичный факт — наличие оттиска обеих сторон монеты Савромата I на глиняной ткацкой подвеске («грузило»), найденной в 1902 г. на горе Митридат (сообщение об этом имеется в материалах архива Археологической комиссии).

Подводя итог изложенному выше, можно сказать следующее. Во-первых, воспроизведения некоторых монет использовались иногда в качестве украшения чернолаковых киликов и «мегарских» чаш. Во-вторых, с монет нередко копировали помещенную на них эмблему для керамических клейм. Наконец, известны и не поддающиеся пока объяснению случаи присутствия оттисков монет на терракотовой статуэтке и ткацком «грузиле». Надо признать, что ни один из перечисленных выше примеров не подводит нас к ответу на вопрос, каким образом могли быть включены сами монеты в тесто керамических сосудов, обломки коих найдены в Мирмекии. Все рассмотренные примеры (исключая, пожалуй, терракотовую статуэтку из Бостонского музея) убеждают нас в том, что монеты порою служили исходным материалом для создания украшений или эмблем, которые, попадая на керамические изделия, были всегда обозримы, ибо ради этого они и делались. Монеты же, обнаруженные в мирмекийских керамических обломках, были «утоплены» в тесте сосудов и поэтому они оказывались недоступными для человеческого глаза. Следовательно, нужно искать этому факту какое-то особое объяснение.

Итак: случайно ли монеты попадали в сырье, приготовленное для выделки посуды, или они были включены в него умышленно? В археологической литературе, насколько нам известно, случаи нахождения монет в керамическом тесте античных сосудов до сих пор не были отмечены³⁵, и проще всего было бы предположить, что монеты случайно были обронены при добывании глины или при хранении ее запасов в гончарной мастерской. Однако представляется маловероятным, чтобы гончар, формируя сосуд, не ощутил под пальцами монету. Напомним, что монета Котиса довольно значительна по своим размерам; а монета, найденная в другом обломке, чуть выступала из его толщи³⁶. Поэтому предположение о случайном попадании монет в глину, а вместе с нею в стенки сосуда, вызывает сомнения. Но в таком случае приходится думать, что монеты были умышленно включены в глину. Возможно ли это? Что могло побуждать гончара жертвовать монетой ради того, чтобы она оказалась в глине?

³⁴ D. Вигг, ук. соч., стр. 42.

³⁵ При раскопках в Таджикистане крепости Калай-Боло в расколотых сырцовых кирпичях наряду с обломками глазурованной керамики найдены медные монеты X в. н. э.; см. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфагинского района. Труды Института истории и этнографии АН Тадж. ССР, 35, 1953, стр. 117.

³⁶ Мысль о том, что мастер мог не заметить случайно попавшей в глину монеты становится особенно маловероятной, если мы примем во внимание самый процесс подготовки глины, предназначенной для изготовления сосудов. В Средней Азии, где ремес-

Наши сведения о керамическом производстве в древнегреческом мире далеко не полны. Если в области технологии целый ряд вопросов можно считать выясненным и решенным, то гораздо хуже мы осведомлены о религиозных верованиях и обычаях, которые были связаны с данной отраслью античного ремесла. Тем не менее, кое-что об этом известно благодаря литературным и археологическим памятникам. Эти данные оказывают, что сложность технологического процесса, неожиданные и порой катастрофические неудачи во время обжига — при полном непонимании физико-химической сущности процесса производства — порожда-



Рис. 6. Керамическая мастерская (по изображению на чернофигурной гидрии конца VI в. до н. э.).

у древних гончаров веру в существование могущественных духов, демонов, которые могут приносить гончару неисчислимые беды. На этой почве возникали разнообразные суеверия, боязнь «сглаза» и пр. В качестве «защитных» средств древние гончары использовали, прежде всего, разного рода изображения — апотропей. На известном рисунке чернофигурной гидрии конца VI в. до н. э. из Мюнхена (рис. 6) в качестве такового «оберега» изображена маска Сатира, помещенная над топочным отверстием обжигательной печи³⁷.

Многое гончарное производство было очень широко развито еще до недавнего времени, и этапы подготовки сырья хорошо прослеживались. Судя по этнографическим описаниям, гончар вначале замешивал большую массу глины, от которой он брал ее потом маленькими частями. Прежде чем приступить к выделке посуды, мастер тщательно вымывал глину руками, выбирая из нее мусор, мелкие камешки, кусочки извести, так как эти «компоненты» во время обжига могут привести ко всякого рода весьма неприятным сюрпризам. См.: Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, Л., 1959, стр. 24, 176.

³⁷ A. Furtwaengler und K. Reichhold. Griechische Vasenmalerei, Мюнхен, 1904, I, стр. 159; J. E. Harrison, D. C. Maccoll. Greek Vase Paintings, Лондон, 1894, рис. 1. Рисунок воспроизводился не раз и в других изданиях. — Бем ссылается на приведенные у ряда авторов сведения (Плиний, Поллукс), которые показывают, насколько среди древнегреческих ремесленников были распространены суеверия, боязнь сверхъестественных враждебных сил. Так, например, кузнецы защищали горны от



Рис. 7. Коринфская глиняная табличка с изображением керамической обжигательной печи.

Некоторые народные представления, свойственные античным гончарам, отражены в одной из эпиграмм, обычно приписывавшихся Гомеру³⁸. В ней рассказывается, как гончары, приступая к обжигу, попросили Гомера что-нибудь пропеть. За это они обещали дать ему несколько своих изделий. Гомер соглашается, но предупреждает: если гончары обманут его и не дадут обещанного вознаграждения, он отомстит, призвав на них демонов из их печи с обжигающей в них посудой духов-разрушителей — Разрушителя, Трескуна, Нетушимого, Крушителя, Сыроглинника³⁹. Переиспугав этих духов, поэт сопровождает имя каждого обстоятельным описанием тех бед, которые он может причинить.

Характер имен показывает, что неудачи, происходившие при обжиге не поддававшиеся реальному объяснению, приписывались духам, из которых каждый как бы имел свою «узкую специальность». Обжиг представлялся таинственным явлением, в котором, по представлению древнегреческих гончаров, принимали участие сверхъестественные силы. Страх перед ними побуждал гончара начинать обжиг с молитвенного обращения к Афине, покровительнице ремесленников:

«Внемли молитвам, Афина. Десницею печь охраняя,
Дай, чтобы вышли на славу горшки, и бутылки, и миски,
Чтоб обожглись хорошенько и прибыли дали довольню»⁴⁰.

Если обжиг проходил удачно, гончар мог считать, что его обращение услышано. Но, по-видимому, были часты и неудачи. Посуда выходила порой недообожженной, растрескивалась при обжиге. Можно предположить, что бывали и такие крупные неудачи, когда обваливалась сама обжигательная печь. Не зная, чем это вызвано, гончар объяснял это действием духов-разрушителей.

По мнению некоторых исследователей один из таких демонов изображен на коринфской табличке (пинакс) в виде маленького человечка карикатурно подчеркнутым фаллом. Человек стоит перед гончарной печью, над ним на печи показана сидящая сова (рис. 7)⁴¹. В данном случае несущественно, кто именно изображен на табличке: злой дух или потропей. Важно другое: этот рисунок подтверждает веру у древнегреческих гончаров в существование воображаемого мира духов. Наряду со злыми духами, карающими ремесленников за провинности, вероятно, существовали и добрые духи, способствующие производству.

Создав силой воображения «производственных духов», гончары не только верили в реальность их существования, но и считали, что от этих

«дурного глаза», подвешивая к горну комические изображения, носившие часто непристойный характер. По сообщению Бема в Греции до самого последнего времени среди ремесленников (пекарей, обжигателей извести и т. д.) широко распространена боязнь «дурного глаза» и они всячески стремятся «защищать» от него свое производство». См. B. H. P. Bd. X, 2, s. v. Sabactes. В Средней Азии еще до недавнего времени для защиты от «дурного глаза» и всего ее содержимого от злых духов ремесленники-гончары прикрепляли к столбам пучки колючек. От «сглаза» подвешивался против двери камень, для того, чтобы отвлечь взгляд дурного человека. См.: Е. М. Пещерев а, ук. соч., стр. 364.

³⁸ Vita Herodotea-Epigrammata Homeric, 14; G. Richter. The Craft of Athenian Pottery, Нью Хейвен, 1924, стр. 94—95.

³⁹ RE, Bd. I-A, 2, s. v. Sabactes; Bd. III-A, 1, s. v. Smaragos; Bd. II, 4, s. v. Sabactes; Bd. IV-A, 2, s. v. Syntrips; Bd. XVIII, 1, s. v. Omodamus.

⁴⁰ Ф. Зелинский, Из жизни идей, П., 1916, стр. 355; см. также: В. Ф. Гаюкович, Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, 80, 1934, стр. 42 — 43; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 33.

⁴¹ Antike Denkmäler, II, табл. 39, 12. Данная табличка состоит из четырех фрагментов. Обоснование такого восстановления дано в статье: E. Pernice. Die

духов зависит их благосостояние. Вместе с тем, гончарные демоны были наделены и человеческими слабостями. Несмотря на всю свою силу эти демоны способны были испытывать страх перед разного рода апотропеями. И естественно предположить, что гончар, считая себя целиком зависящим от этих духов, — а они ведь могли способствовать процветанию и богатству, а могли и разорить, — стремился принесением разного рода жертв задобрить и подкупить их⁴². В разные времена характер и состав жертвоприношения, по-видимому, был неодинаков. Так как мифический мир богов и духов, созданный воображением древних греков, являлся все же своеобразным отражением реальной действительности, то изменения, происходившие в ней, находили свое отражение в верованиях и связанных с ними обрядах и обычаях.

Характерно, что все более возрастающая с течением времени роль денег в хозяйственной жизни античного общества вела к проникновению денег в культ. В числе приношений, которые поступали от богомольцев в греческие святилища, начиная, по-видимому, с IV в. до н. э., стали применяться монеты⁴³. Жертва в виде монеты отныне рассматривалась в качестве средства, способного склонить божества к совершению благодеяния. Как известно, связанный с деньгами «коммерческий» подход в области культа нашел особенно яркое отражение в обряде сопровождения покойника «оболом Харона».

Принимая во внимание сказанное, может быть следует соответственно отнестись и к не совсем обычным черепкам с монетами, найденным в Мирмекии. Не являются ли они свидетельством того, что древние гончары, начиная с эллинистического времени, практиковали обычай умиловствования своих «гончарных духов» жертвой в виде монеты, включавшейся в глину, из которой делалась посуда?

Эта гипотеза, вероятно, могла бы считаться более прочно обоснованной, если бы удалось зарегистрировать больше таких «черепков с монетами», какие оказались в Мирмекии.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание археологов, работающих над массовым античным керамическим материалом, на возможность присутствия монет в самой керамике. Если это иметь в виду, то не исключено, что число находок, подобных мирмекийским, значительно увеличится.

korinthischen Pinakes in Antiquarium der Koeniglichen Museum. JDAJ XII, 1897, стр. 36 рис. 683. Автор предполагал, что в этой фигурке следует видеть злого демона, угрожающего гончару; вместе с тем, он указывал, что такие фигурки использовали гончары против вредного влияния, особенно — против дурного взгляда. Бем считал, что это изображен домовый, который в виде карлика может неожиданно появиться перед печью. — RE, Bd. IV, s. v. Syntrips; Bd. I-A, 2, s. v. Sabactes (Серия коринфских табличек с изображением гончарных печей недавно переиздана. см.: J. Ziomiński. Przedstawienia pieców na tabliczkach z Korintu, Варшава, 1958, табл. III, 12).

⁴² Е. М. Пещерева сообщает, что у гончаров Средней Азии существовал обряд жертвоприношений. Так, прежде чем зажечь огонь во вновь сооруженной гончарной печи, у ее топочного отверстия резали козла или барана и его кровью обрызгивали печь. Подобную жертву также приносили, если подряд случалось несколько неудачных обжигов. Любопытно и существование у среднеазиатских гончаров термина «жжены хлеб». По предположению Е. М. Пещеревой — хлеб в древности приносился в жертву духам-покровителям ремесел путем сожжения, см.: Е. М. Пещерева, ук. соч. стр. 318, 353.

⁴³ А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, СА, VII, 1941, стр. 152 слл.

ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА ОЛЬВИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

1. О времени выпуска монет с изображением стрелка

Вопрос о датировке ольвийских монет с именем Сострата, имеющих на лицевой стороне изображение женской головы в стеной короне, а на оборотной — изображение стрелка¹, был несколько лет назад рассмотрен в заметке М. Б. Парович². Анализируя случаи нахождения таких монет в могилах ольвийского некрополя совместно с хорошо датированной керамикой и другими предметами, М. Б. Парович отвергла их приурочение ко времени Мифрадата Евпатора, принятое в трудах советских нумизматов³, и восстановила в правах прежнюю датировку, согласно которой монеты с изображением лучника должны быть относимы к IV или к III вв. до н. э. Признавая, со своей стороны, приведенный М. Б. Парович материал достаточным для решения вопроса о времени чекана упомянутых монет, — свидетельства нетронутых погребальных комплексов заслуживают, несомненно, предпочтения по сравнению с не всегда достаточно обоснованными соображениями нумизматов, — мы полагаем, что затронутый М. Б. Парович вопрос заслуживает изучения и с чисто нумизматической точки зрения. Это необходимо, прежде всего, для уточнения даты выпуска монет с изображением стрелка в пределах слишком широких и расплывчатых границ, намеченных в статье М. Б. Парович; кроме того, перемещение этих монет на два—три столетия вглубь веков по отношению к дате, установленной для них А. Н. Зографом, неминуемо влечет за собой существенные изменения в общепринятых в настоящее время среди советских нумизматов и археологов датировках некоторых других монетных серий Ольвии.

¹ Эти монеты известны давно (J. Blagomberg. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blagomberg a Odessa. Paris, 1822, табл. XV, 144), но первое их воспроизведение фотомеханическим способом дано только в 80-х гг. XIX в. (Московский Публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет. Вып. I. М., 1884, табл. I, 88-а; автор каталога А. М. Подшивалов). Ср. также П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Ч. I, Одесса, 1884, табл. VII, 152; В. Писк. Die antiken Muenzen Nord-Griechenlands. T. I, ч. I, Berlin, 1898, табл. X, I; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXIII, 21.

² М. Б. Парович. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи. «Археологія», т. XI, 1957, стр. 157—159.

³ Например, А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 133.